

ДЕСТРУКТИВНИЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Величко С.А.

В статье рассматриваются деструктивные тенденции современной западноевропейской культуры, анализируются некоторые из причин их стремительного развития во второй половине XX века.

Ключевые слова: культура, дегуманизация, смерть, техническая культура, некрофилия, массовая культура.

Во второй половине XX века для мыслящих людей со всей очевидностью обозначилась проблема развития кризисных явлений в современной западной культуре. Многие мыслители отмечали развитие процесса дегуманизации культуры. Одним из проявлений этой тенденции являлась потеря интереса к реальной жизни конкретного человека. Причем этот процесс развивался параллельно со становлением новой научно-технической культуры, акцентирующей свое внимание уже не на человеке, а на машине.

Еще одним зримым подтверждением наличия антропологического кризиса является культурная исчерпанность, потеря способности общества к творчеству (точнее будет сказать потеря социумом спроса на творчество). Культура постепенно теряет способность к созданию яркого, оригинального, нового. Даже для потребителей продукции «массовой культуры» не остается незамеченной абсолютная идентичность сюжетных ходов многочисленных латиноамериканских «мыльных сериалов», голливудских мелодрам и комедий. Серая схематическая кальковость многочисленных героев «женских романов», «мужских боевиков», персонажей, заполонивших телеэкраны ток-шоу, становится очевидной для самого непритязательного зрителя.

Проявлением кризисных тенденций в современной культуре так же является десакрализация всех форм бытия человека, в результате чего происходит переход от глубинно-осмысленного бытия с целями, обеспечивающими его перспективы, к повседневно выраженному, прагматически ориентированному существованию. Из жизни стали исчезать священная норма, священный текст, священный символ, сокровенные сферы – все то, что связывало бытие человека с трансцендентной реальностью [5, с. 129].

Вместе с этим исчезновением как естественная компенсация в жизни стали функционировать имитации священного, его суррогаты и субституты, погружающие человека в окружающую его повседневность. Главным героем культуры постмодерна стало полностью погруженное в предметно-бытовую реальность человекоподобное существо, сытое и почти всем довольное, пьющее дорогой коньяк в дорогих клубах, «затягивающееся коксом», грезящее о дорогих машинах и не менее дорогих женщинах (можно вспомнить многочисленных героев произведений модного современного писателя Сергея Минаева). Для таких «персонажей» сакральными становятся такие ценности, как материальное благополучие и самое главное социальный успех. Но, как и у всякого заменителя, жизнь этих имитаций священного коротка. Поэтому ложные ценности образуют унылый ряд быстро сменяющихся кумиров профанного мира [5, с. 123].

Во второй половине XX века стало все отчетливее проявляться еще одно явление, свидетельствующее о кризисе – развитие в современной культуре некрофильских тенденций. Эти тенденции во многом являются производными от таких вышеуказанных явлений как дегуманизация, развитие технической культуры, десакрализации всех форм человеческого бытия, но их стремительное развитие и то влияние которое они оказывают на формирования особенностей мировоззрения, как отдельной личности так и общества в целом, дают основание выделить их в качестве отдельного проявления кризисных явлений в современной европейской культуре.

В последние десятилетия двадцатого века многие философы и психологи начали отмечать рост числа людей, обладающих некрофильской мировоззренческой установкой. Под некрофилией Эрих Фромм, философ, уделивший много внимания изучению этого явления, понимал «страстное стремление ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей» [7, с. 284].

Значительную долю ответственности за этот рост, по мнению многих мыслителей, несет современная европейская культура. Эрих Фромм отмечал, что современная западная культура носит отчетливо деструктивный некрофильский характер. Зримым появлением этих деструктивных тенденций является культивирование на страницах книг, на телевизионных экранах таких явлений, как насилие и смерть. Практически ежедневно с телеэкранов, со страниц книг и газет на человека буквально обрушивается лавина информации так или иначе связанная со смертью и разрушением. Современное масс-медиа пространство буквально заполнили образы ужаса, насилия и убийств. Однако картины смерти представлены здесь не для того, чтобы вызвать у зрителя или читателя сильные эмоции. Образы танатоса в этих произведениях не ориентируют его на осмысление увиденного, не становятся объектом или двигателем рефлексии. Во всех этих «творениях» картины смерти выступают только в качестве зрелища, привлекающего к себе внимание. Никакой другой эмоциональной нагрузки они, как правило, не несут.

Многочисленные книги и телевизионные ленты рисуют сцены техногенных катастроф, вооруженных конфликтов с многочисленными жертвами, кровавых противостояний бандитских группировок, страшных мук жертв психопатов, вырабатывая у потребителя «вкус» к подобным зрелищам. Постепенно у зрителя появляется своеобразная потребность в

картинах смерти и разрушения. После убийства президента Кеннеди массу людей, по свидетельству американских авторов, нельзя было оторвать от экранов телевизоров, пока передавались все детали убийства. Через несколько дней, когда телестудии вернулись к своим обычным программам, многие испытали чувство странной пустоты [3, с. 20].

Почему именно в европейской культуре XX века эти тенденции начали столь стремительно развиваться?

Советский философ Павел Семенович Гуревич, много внимания уделивший осмыслению феномена смерти, также считал, что современная культура заражена разрушительными некрофильскими тенденциями [4, с. 21]. По его мнению, основной причиной такой ситуации являлось развитие процессов индустриализации и технизации современной европейской цивилизации [4, с. 21].

Уже модерн как культура индустриальной эпохи заявляет о своей ненависти к жизни размеренной и тусклой, а также о стремлении к познанию инобытия [6, с. 32]. Для находящегося под влиянием этой культуры мировоззрения был характерен повышенный интерес к смерти. Этот интерес уступал только культу технического прогресса, который определял и форму, и содержание культуры модерна. Обе эти тенденции - и тяга к разрушению, и обожествление техники - нашли свое отражение в программном документе основателя и главы итальянского футуризма Ф. Маринетти «Манифесте футуризма» (1909), о чем свидетельствуют его основные тезисы:

- Да здравствует риск, дерзость и неукротимая энергия!
- Смелость, отвага и бунт – вот что воспеваем мы в своих стихах.
- Старая литература воспевала ленность мысли, восторги и бездействие. А вот мы воспеваем наглый отпор, горячечный бред, строевой шаг, опасный прыжок, оплеуху и мордобой.
- Мы говорим: наш прекрасный мир стал еще прекраснее – теперь в нем есть скорость. Под багажником гоночного автомобиля змеятся

выхлопные трубы и изрыгают огонь. Его рев похож на пулеметную очередь, и по красоте с ним не сравнится Ника Самофракийская.

- Мы воспеваем человека за баранкой: руль насквозь пронзает Землю, и она несется по круговой орбите.
- Пусть поэт жарит напропалую, пусть гремит его голос и будит первозданные стихии!
- Нет ничего прекраснее борьбы. Без наглости нет шедевров. Поэзия наголову разобьет темные силы и подчинит их человеку.
- Мы стоим на обрыве столетий!.. Так чего же ради оглядываться назад? Мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир невозможного! Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы живем уже в вечности, ведь в нашем мире царит одна только скорость.
- Да здравствует война – только она может очистить мир. Да здравствует вооружение, любовь к Родине, разрушительная сила анархизма, высокие Идеалы уничтожения всего и вся! Долой женщин!
- Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки. Долой мораль трусливых соглашателей и подлых обывателей! [7, с. 249].

В этих положениях можно увидеть некоторые тенденции тогда еще не явные, но в дальнейшем во многом определившие особенности деградации культуры. Самыми главными из них являются сакрализация техники и насилия. В этих тезисах мы уже встречаем серьезные элементы некрофилии: обожествление машин и скоростей; прославление агрессии и войны, стремление к разрушению культуры; ненависть к женщине (как к явлению дарящему жизнь); отношение к автомобилям и самолетам как к живым существам. Такое преклонение перед техникой (не говоря уже о воспевании агрессии и стремлении к уничтожению всего и вся) несет в себе некрофильские предпосылки, так как исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому) является одним из основополагающих симптомов мировоззрения, зараженного некрофилией [7, с. 284].

Две мировые войны, прошедшие в первой половине XX века, также оказали большое влияние на формирование некрофильских черт современной культуры. Уже Первая мировая война морально опустошила Европу, оставила предчувствие катастрофы, гибели, смертельную тоску, безнадежность, отчаяние. Она убила веру, а также здоровую, нормальную волю к жизни. После этой войны, когда человеческое мышление было потрясено до самых своих оснований, проблема смерти выдвинулась на первый план. В культуре этого периода смерть представляла «...то как осознание конечности человеческого существования, влекущее за собой трагические переживания, то как призыв к реализации свободы индивида, призыв к активным действиям вопреки трагической иронии его конечной судьбы» [6, с. 33]. Литературные произведения этого периода пронизаны болезненным интересом к смерти. Причем, внимание привлекала не только смерть отдельного, конкретного человека, но и смерть цивилизации, человечества. Литература, философия того времени буквально изобиловали работами, посвященными гибели Европы, смерти ее культуры. Величайшим из этих произведений является работа О. Шпенглера «Закат Европы», давшая культурно-философское обоснование идее смерти. Цивилизация – посмертная маска умершей культуры, «живое лицо смерти».

Вторая мировая война оказала на европейскую культуру еще более разрушительное влияние. Уже то тотальное ожесточение, с которым она велась, и то количество жертв, к которым она привела, оказали существенное влияние на развитие культуры. В этой войне можно выявить еще ряд аспектов, воздействовавших на развитие некрофильских черт, как в сознании отдельного человека, так и в сознании европейской культуры в целом.

Вторая мировая была первым конфликтом в человеческой истории, в ходе которого огромные массы не только военных, но и мирных жителей были уничтожены с помощью механических средств. При «ковровых бомбардировках» и в газовых камерах смерть приходила не от человека, а от некоего безликого механизма. Жертвы не видели лиц своих палачей, а палачи

– жертв. Эрих Фромм, говоря о механизме «автоматизации войны», замечает: «Летчики, которые сбрасывали бомбы, вряд ли думали о том, что за несколько минут они убивали тысячи людей... Они вряд ли отдавали себе отчет в том, что они имеют дело с врагом, что они убивают других людей. Их задача состояла в том, чтобы обслуживать сложную машину в точном соответствии с планом полета» [7, с. 297].

Результатом такой «автоматизации» является устранение из сознания осмысления результатов сделанного. Убийство при таких условиях становится банальным повседневным явлением, не вызывающим глубоких и серьезных переживаний. Ярким подтверждением этого являются слова Пола Уорфилда Тиббетса-младшего, пилота бомбардировщика, который сбросил первую атомную бомбу на японский город Хиросима в конце Второй мировой войны. Уже зная о огромном количестве жертв из числа мирных жителей и о полной бесполезности с военной точки зрения своей бомбардировки, в интервью, которое он дал в 1975 году, он говорил, что гордится, тем что был способен, начав с ничего, распланировать операцию и привести её в исполнение так безукоризненно, как он сделал, и что он спит спокойно каждую ночь.

Смерть обезличивается и деперсонализируется, как для самого палача, так и для стороннего наблюдателя. В такой ситуации влияние танатоса на формирование особенностей внутреннего мира человека, на развитие того внутреннего накала, который и заставляет человека становиться лучше, умнее, сильнее, практически сходит на нет. *При таких условиях смерть «другого» перестает вызывать сильные чувства и начинает восприниматься только как заворачивающее, яркое зрелище. Возможность своей смерти, в свою очередь, начинает порождать такой ужас, что о ней стараются не думать.* Но такое отношение к смерти очень близко к взглядам, присущим мировоззрению с ярко выраженной некрофильской доминантой.

Еще одним аспектом, оказавшим особое влияние на развитие некрофильского сознания европейской культуры, явилось то, что лидер одной из воюющих сторон, Адольф Гитлер, по определению Эриха Фромма, являлся «клиническим случаем некрофилии» [7, с. 319]. Его усилиями в культуре Германии того времени начали проявляться некрофильские черты. Эти тенденции можно увидеть, как в доминировании темных цветов, поглощающих свет (например, серая форма штурмовиков и черная форма войск СС), так и в культе техники и разрушения.

После Второй мировой войны разрушительные тенденции в европейской культуре продолжали усиливаться. Связано это с дальнейшим развитием таких процессов, как индустриализация и технизация, окончательно обрывающих связи современного человека с окружающей его природной средой, а также с появлением и распространением такого феномена, как «массовая культура». Эта культура носит отчетливый индустриально-коммерческий характер. Актуализируя и опредмечивая ожидания аудитории, массовая культура, с одной стороны, отвечает на ее потребности в досуге и развлечениях, с другой – сама начинает формировать ее вкусы. Причем вкусы читателя, кино- и телезрителя она не столько развивает сколько деформирует, порождая при этом в зрительской и читательской аудитории не стремление следовать высшим идеалам величия человеческого духа, преодолевая в себе свои пороки и слабости (к чему всегда призывала Высокая культура), а напротив - оставаться рабом своих, под час самых низменных, страстей.

Происходит в массовой культуре и деформация образа положительного героя. Так, кумирами детской и юношеской аудитории становятся созданные «фабрикой грез» «недочеловеки», а именно «человекопауки», «человеколетучие мыши», «болотные твари» т.д. Уже сами перечисленные образы – летучие мыши, пауки, болотные создания - обладают значительным деструктивным потенциалом. Во все периоды европейской истории образы

летучей мыши и паука (не говоря уже о болотных гадах) входили в перечень зримых отображений явлений и сил, враждебных человеку.

Помимо этого, эти носители всего «героического», «прогрессивного» и «гуманного» не являются ни зрительно, ни по внутреннему содержанию людьми и совершают свои подвиги с помощью своих нечеловеческих способностей. За подвигами этих героев интересно наблюдать, но им трудно сопереживать и сочувствовать. Но при этом происходит аксиологическая девальвация человеческого героического поступка. Воспитанный на подобных образах зритель не поймет тех не столь зрелищных доблестных поступков, на которые так богата человеческая история.

Так же для привлечения и удержания внимания зрителей требуются яркие, захватывающие картины. Смерть, в свою очередь, является одним из самых притягательных зрелищ. Поэтому символы и зрительные образы, в той или иной мере связанные с ней, стали заполнять телевизионные экраны и страницы книг, вырабатывая у постоянного потребителя массовой культуры привыкание к сценам, связанным с насилием и смертью. Тем самым она формирует восприятие кончины «инового», другого только в качестве яркого зрелища, не вызывающего глубоких экзистенциальных эмоций. Другой трансформируется в чужого.

По сообщению американской прессы, свидетели мучительной гибели подростка, оказавшегося в зоне тока высокого напряжения, не только не пытались помочь погибающему, но, как впоследствии выяснилось, наблюдали за этим эпизодом и оценивали его так, словно все это многократно развертывалось уже на домашнем экране [4, с. 19]. Отрывая человека от природных корней, не давая ему ничего, кроме ощущения временной сопричастности с бездушной механической цивилизацией, отбирая у него надежду на возможность посмертного существования, «массовая культура» воспитывает у индивида отношение к своей смерти как к абсурдному, ужасному явлению. В результате формируется стремление не

думать о собственной смерти, а складывается стереотип восприятия смерти другого как атрибут обыденности.

Одним из главных следствий формирования подобного восприятия танатоса является падение онтологической значимости этого феномена. Смерть перестает оказывать влияние, как на ход культурного развития, так и на становление особенностей человеческого сознания. Однако танатос является тем явлением, которое во все периоды человеческой истории оказывало значимое влияние как на формирование особенностей духовного мира отдельно человека, так и на процесс развития культуры. О существовании связи между танатосом и развитием культуры было известно уже древнегреческим мыслителям. Так еще Гомер, говоря о ненужности серьезных сожалений по поводу гибели героев, утверждает:

«Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий

Боги, чтоб славною песнею были они для потомков» [2, С. 579–580].

Наличие этой связи в той или иной степени признавалась Блезом Паскалем, Иммануилом Кантом, Зигмундом Фрейдом. Н.А. Бердяев утверждал, что подлинная культура начинается с культа предков, с почитания могил и памятников, со связи детей с родителями, ушедшими в другой мир. По его мнению, «в культуре нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов» [1, с. 249].

Значимость этого воздействия для культуры столь велика, что танатос можно определить в качестве базового элемента бытия культуры. Поэтому снижение уровня влияния смерти на культуру, происходящее во многом под влиянием развития деструктивных тенденций в свою очередь детерминирует дальнейшее развитие кризисных явлений.

Вывод: деструктивные некрофильские явления, начавшие проявляться в европейской культуре еще в начале XX века, во второй половине столетия стали активно развиваться, оказывая негативное воздействие на формирование особенностей имманентного бытия человека и деформируя сам ход становления культуры. Столь стремительное их развитие во многом

обуславливается влиянием таких процессов, как дегуманизация и технизация культуры. На резкое ускорение формирования деструктивных явлений оказали влияние также социально-исторические катаклизмы, которых было много в двадцатом веке (две мировые войны, многочисленные локальные войны, революции и т.д.). Однако наиболее определяющее воздействие на развитие этих тенденций, по нашему мнению, оказало распространение такого феномена, как «массовая культура» - явления, агрессивно вытесняющего «высокую культуру» на периферию культурного ареала, заменяющего вечные высшие ценности суррогатом из псевдоценностей, акцентирующего внимание человека на игре низменных страстей. Взаимосвязь этого явления, с развитием некрофильских тенденций столь тесна, что по-нашему мнению, позволяет определять некрофилию в качестве одного из базисных смыслообразующих оснований феномена «массовой культуры». Современная индустриально-коммерческая «массовая культура» во многом несет ответственность за широкое распространение деструктивного мировоззрения в современном западном обществе. Следует отметить, что такая массовая культура обслуживает идеологические нужды общества потребления. Однако развивающийся на наших глазах антропологический кризис ставит под вопрос сам факт существования такого общества, но при этом дает возможность современной культуре преодолеть проявляющиеся в ней деструктивные тенденции. Возможно, охваченное кризисом общество вновь востребует те вечные ценности, которые постулировала высокая культура и которые стремилась изжить культура массовая.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. — М. : Има-пресс, 1990. — 288 с.
2. Гомер. Одиссея / Гомер. — М.: Правда, 1985. — 374 с.
3. Гурьевич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гурьевич. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
4. Гуревич П. С. Смерть как тайна человеческого бытия // Токарчик, А. Мифы о бессмертии. — М., 1990. — 240 с.
5. Дудник С. И. Кризис культуры в контексте современных дискуссий и оценок / С. И. Дудник. — СПб. : Санкт-Петербургское филос. об-во, 2001. — С. 128—136.
6. Соловьева В. Г. Смерть и модернизм / В. Г. Соловьева // Фигуры танатоса. — 1995. — № 5. — С. 34 — 42.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности бытия / Э. Фромм. — М. : Республика, 1994. — 447с.

Велічко С.А. До питання формування деструктивного дискурсу сучасної західноєвропейської культури.

У статті розглядаються деструктивні тенденції сучасної західноєвропейської культури, аналізуються деякі з причин їх стрімкого розвитку в другій половині XX століття.

Ключові слова: культура, дегуманізація, смерть, технічна культура, некрофілія, масова культура.

Velichko S.A. About the question of forming of modern European culture's destructive discourse.

The article is devoted to exploration of destructive trends of modern European culture. Also some reasons of their splitting development at the second half of XX century are analyzed.

Keywords: culture, dehumanization, death, technological culture, necrophilia, mass culture.